

Весенние мелодии

М. Горький

Весенние мелодии

В саду, за окном моей комнаты, по голым ветвям акации прыгают воробьи и оживлённо разговаривают, а на коньке крыши соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых птичек, важно покачивает головой. Тёплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук, я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чём воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льётся музыка весны.

— Чик-чирик! — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам. — Вот и снова мы дождались весны... не правда ли? Чирик-чирик!

— Фа-акт, фа-акт! — важно вытягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, как в утвердительном смысле. Будучи от природы глупой, она ещё и пуганая, как большинство ворон. Но она занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь «благотворительное» для бедных галок и старых голубей.

Я знаю воробья, хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, а в сущности это — птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две-три пикантных истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку:

— Я умр-ру, умр-ру от разочарованья, если ты не поделишь со мною любовь мою.

— А знаете, сударыня, чижики прилетели! — сообщает воробей.

— Фа-акт! — отвечает ворона.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут. Ужасно беспокойные птицы! И синицы явились с ними... как всегда... хе-хе-хе! Вчера, знаете, я спросил, в шутку, одного из них: «Что, голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью... В этих

птицах совершенно нет уважения к чину, званию и общественному положению собеседника... Я, надворный воробей...

Но тут из-за трубы на крыше неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал:

— Внимательно по долгу службы прислушиваясь к разговорам тварей, населяющих воздух, воду и недра земли, неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики щебечут о весне и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы.

— Чик-чирик! — воскликнул воробей, беспокойно оглядываясь на доносителя. А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была не однажды, — сказал старый воробей. — А насчёт обновления всей природы — это... конечно, приятно... если происходит с разрешения тех сил, коим сие надлежит ведать...

— Фа-акт! — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон, — означенные чижики выражают недовольство по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, якобы — мутны, некоторые же из них дерзают даже мечтать о свободе...

— Ах, это они всегда так! — воскликнул старый воробей. — Это от молодости у них, это ничуть не опасно! Я тоже был молод и тоже мечтал о... о ней...

— О — ком?

— О ко... ко-ко-ко-кон...

— Конституции?

— Только мечтал! Только мечтал-с! Разумеется — скромно мечтал... Но потом — это прошло, явилась другая «она», более реальная... хе-хе-хе! и, знаете, пожалуй, более приятная, более необходимая воробью... хе-хе...

— Э-гм! — раздалось внушительное кряхтенье. На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заскрипел:

— Э, н-не замечаете ли вы, господа, что в воздухе пахнет чем-то, э...

— Весенний воздух, ваше-ство, — сказал воробей. А ворона томно склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы:

— Факк!

— Н-да... Вчера за винтом то же самое говорил мне один потомственный почетный филин... «Чем-то, говорит, э, пахнет...» А я ответил: «Заметим, понюхаем, — разберём!» Резонно, а?

— Так точно, ваше-ство! Вполне резонно! — почтительно согласился старый воробей. — Всегда, ваше-ство, надо подождать... Солидная птица всегда ждёт...

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормотал:

— И заря улыбкой нежной гасит в небе ночи звёзды, ночь бледнеет, ночь трепещет, и — как лёд на солнце — тает тьмы ночной покров тяжёлый. Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды, встречу солнцу, встречу утру, встречу света и свободы!

— Эт-то что за птица? — спросил снегирь, прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство! — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство! — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и проскрипел:

— Мм... какой серый... прохвост! Он что-то там насчёт солнца, свободы прошёлся, кажется? а?

— Так точно, ваше-ство! — подтвердил ворон. — Занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов, — ваше-ство!

— Предосудительно и... глупо!

— Совершенно справедливо, ваше-ство, — отозвался старый воробей, глупо-с! Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределённое и, так сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, кажется, вы сами к ней... зывали?

— Фа-акт! — вдруг крикнула ворона.

Воробей несколько смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал... но при смягчающих вину обстоятельствах...

— А... то есть как?

— После обеда, ваше-ство! Под влиянием... то есть под давлением винных паров... И с ограничением воззвал, ваше-ство!

— То есть как?

— Тихо сказал: «Да здравствует свобода» и тотчас же громко добавил: «в пределах законности».

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство, — ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи старым воробьём, не могу себе позволить серьёзного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значится в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить.

— Факт! — снова каркнула ворона.

Ей ведь всё равно, что ни подтверждать. А по улице текли ручьи и пели тихую песнь о реке, куда они вольются в конце пути в своём близком будущем:

— Широкие, быстрые волны нас примут, обнимут и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падём прохладной росой в ночи, снежинками или обильным дождём.

Солнце, великолепное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкой бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы сидит стайка чижиков, и один из них вдохновенно поёт товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике.